

Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур

ЕВГЕНИЯ А. ГОНЧАРОВА

(Санкт-Петербург)

Одной из характерных тенденций в развитии современной лингвистики можно считать повышенный интерес исследователей к различным формам проявления в языке его универсальной ориентированности на своего создателя и носителя – человека. В научном обиходе лингвистов достаточно прочно укрепились такие понятия как **антропоцентризм** и **эгоцентризм**. Более того, появилось даже новое обозначение подобного подхода к изучению явлений языка, при котором все языковые процессы рассматриваются с позиций «присвоения» их человеком, – *антропологистика*. Возникнув вследствие «постепенной и всеохватывающей антропоориентации лингвистических исследований», антропологистика «изучает язык с учетом той доминирующей роли, которая принадлежит порождающему и интерпретирующему его человеку» (Хомякова 2002: 3-4).

Если согласиться с автономным статусом антропологистики как области языкознания, предлагающей новые исследовательские методики, хотя это можно подвергнуть определенным сомнениям, так как для языкознания в целом и для российского, в частности, по словам Д.Н. Шмелева, «никогда не было такой ситуации, когда исследовалась бы ‘химически чистая’ структура языка, и даже во времена увлечения чисто структурными описаниями языка эти последние всегда уравновешивались исследованиями, выдвигающими роль чело-

веческого фактора для языковой действительности, да и сами волны структурализма явились в известной мере неизбежной реакцией на вульгарно-социологические работы» (Шмелев 1989: 4-5), то следует признать принадлежность к антропологистике в первую очередь тех исследований, которые посвящены так называемым эгоцентрическим языковым и речевым единицам, то есть словам и высказываниям, имеющим в своей семантике эгоцентрические признаки и выполняющим функцию не только указания на говорящего, но и выражения его ментально-психических характеристик. К антропологистике можно отнести, несомненно, и исследования тех ученых, которые изучают проблемы актуализации разных сторон носителя языка как «языковой личности» (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, И.П. Сусов), семиотические и прагматические аспекты субъектно-объектной организации высказывания (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов и др.).

В то же время антропоцентрический подход к научному описанию языковых явлений и процессов является исходным имманентным исследовательским принципом *стилистики* как «раздела языкознания, изучающего выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) последнего в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения» (Кожина 2003: 408), поскольку все целеполагающие части ее научных интересов (и «выразительные средства и возможности языка», и «закономерности функционирования» языка «в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения») ориентированы на человека, использующего в своей когнитивно-речевой деятельности язык в качестве основного средства общения и самовыражения.

В процессе своего развития как автономной области лингвистики с собственным предметом и методами научного анализа современная стилистика пришла к осознанию того, что наиболее адекватное научное описание выразительных потенций отдельных языковых единиц и, особенно, общих закономерностей использования языка в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения возможно лишь на уровне текста, так как человек познает самого себя и окружающий его мир, осуществляет все виды своей деятельности и общается с другими в форме текстов. Поэтому в наших суждениях о выразительных возможностях языковых единиц, и здесь в первую

очередь слов и предложений, центральных номинативных и коммуникативных единиц системы языка, мы должны учитывать их дистрибуции при вхождении в новую систему, «систему текста», список и иерархия уровней которой иные, чем в системе языка. Так, на традиционно выделяемые в языке лексический, морфологический, синтаксический уровни в композиционно-архитектоническом единстве текста надстраиваются, как минимум, субъектно-речевой (связанный с видами речи: авторской; «чужой» в форме прямой, косвенной, несобственно-прямой речи и т.д.) и композиционно-речевой (представляющий разные функционально-смысловые типы речи: сообщение, описание, рассуждение и т.д.). Это обуславливает возможность «перекрестного» взаимодействия элементов разных уровней, а также их семантическое переосмысление в качественно новом целом – текстовой структуре.

При этом важно подчеркнуть еще два обстоятельства, связанных с антропоцентрической сущностью текста как языкового образования. С одной стороны, будучи включенными в композиционно-смысловое единство текста как совокупное отражение некой коммуникативно-прагматической позиции носителя языка (автора текста), языковые единицы приобретают характер обязательных элементов его архитектуры, поскольку «контекстуальные связи в определенном тексте создают жесткую ткань, в которой каждый элемент не только привязан к определенному месту в формальной языковой и смысловой структуре, но исключает вообще какой-либо вариант перемещения без влияние на однозначное восприятие текста» (Колшанский 1980: 89). С другой стороны, одна и та же языковая единица может обслуживать в каждом отдельном высказывании текста разное коммуникативное задание и актуализировать разные стороны своей семантики, определимые лишь через текстовое целое. Интеграция отдельных сем текстом как многоуровневым структурно-семантическим единством создает особое «стилистическое значение» этой языковой единицы в тексте, понимаемое в подобном случае не только как ее специфическая эмоционально-оценочная или усилительно-эмфатическая окраска, но и как способность быть частью общей «стилистической информации» текста.

«Стилистическая информация» представляет собой «настройку» автора текста с помощью особого **модуса формулирования** создаваемого

текста на ситуацию его возникновения и функционирования, иными словами, на коммуникативную ситуацию, в которой находятся говорящий и его партнеры по коммуникации (Ср. Fleischer/Michel/Starke 1993: 21-22; Гончарова 1999: 146-154). Модус формулирования текста заключается, в свою очередь, в способе речевых действий, предпринимаемых речевым субъектом для достижения цели при передаче собственных «концептуально-тематических установок» (по Адмони 1985: 64) и установлении контакта и взаимопонимания со второй стороной коммуникации. Антропоцентрические по своей сути стилистические информации являются имплицитной, сопутствующей, дополнительной частью общей текстовой информации. Неспособность (1) адресанта заложить в текст стилистические информации, адекватные соответствующей коммуникативной ситуации, и (2) адресата интерпретировать имеющиеся в тексте стилистические информации не прерывают акт сообщения и общения как таковой и не препятствуют пониманию темы коммуникации обеими ее сторонами. Однако, чем более компетентна языковая личность в своем отношении к коммуникативному коду – языку, тем более осязаемы в речевой ткани текста целенаправленное выражение ею знаний коммуникативно-прагматического использования этого кода и общая «антропоориентированность» текста, тем ощутимее индивидуальный стиль автора текста, тем продуктивнее его общение с другими коммуникантами и деятельность в целом. Тексты, «стилистически невыразительные», не реагирующие своей формой на специфические условия протекания познания и общения с помощью языка, способны обеспечить лишь усредненную мыслительно-речевую деятельность человека, лишенную признаков «живая», «естественная», и в определенной мере затруднить его контакты с окружающим миром.

Таким образом, антропоцентризм принадлежит к инвариантным характеристикам любого текста, так как он на глубинном уровне определяет характер отношений между (1) речевым субъектом-адресантом, создающим текст с целью решения определенной проблемы и информирования о ней других; (2) темой/-ами, составляющими данную проблему (объект коммуникации); (3) адресатом, призванным принять участие в разрешении этой проблемы. В художественных текстах антропоцентризм приобретает свою абсолютную форму, поскольку в них и главной темой/-ами, центральным объектом

изображения, является человек (персонаж/действующее лицо) в своих многообразных проявлениях.

Антропоцентризм детерминирует, далее, модус формулирования текста и предполагает поэтому при научном описании последнего включение в анализ наряду с интерпретацией «чисто» языковых явлений и единиц таких параметров текста, как явные или скрытые цели его формулирования, функционально-коммуникативная область применения, условия создания и восприятия текста (исторические, социальные, индивидуальные), интертекстуальные связи с иными текстами и кодами выражения и т.д. Принадлежит к так называемым экстралингвистическим факторам, которые наслаиваются на собственно лингвистические в процессе использования языка человеком и влияют на качественные характеристики текста (его «стилевые черты»), названные параметры входят, как известно, в компетенцию стилистики как части «внешней лингвистики».

Эгоцентризм является проявлением особого вида антропоцентризма, при котором носители языка создают свои высказывания (в том числе текст) для выражения специфического отношения к миру, сосредоточенного на собственном, индивидуальном «я» говорящего, т. е. эгоцентризм находится с антропоцентризмом в логическом отношении «частное – общее». В то время как антропоцентризм подразумевает субъектность высказываний средствами языка, эгоцентризм подчеркивает их субъективность.

При этом субъектность, предполагая обязательное наличие у любого высказывания создавшего его речевого субъекта, далеко не всегда связана с проявлением в антропоцентрической структуре текста его автора как персонально определимого лица с индивидуально маркированной интенциональностью. Например, в текстах повседневной коммуникации в качестве адресантов некоего сообщения могут выступать фирмы (реклама, инструкции по применению какого-то товара, деловые отчеты и т.д.), политические и иные объединения (предвыборные плакаты, партийные программы и т.д.); в текстах средств массовой, деловой коммуникации – даже при персональном обозначении автора текста – последний выступает часто как носитель определенной социально-прагматической роли (диктор радио или телевидения, главный редактор/редактор газеты, политический обозреватель, ректор/декан/студент университета и др.),

которая накладывает ограничения на выражение личной точки зрения или опирается в тексте на языковые средства, свидетельствующие об ее конвенциональности (Ср. Adamzik 2004: 83-94).

Субъективность как когнитивно-прагматический параметр текста всегда связана с экспликацией в его речевой структуре индивидуальной интенциональности и, как правило, логической или эмоционально-экспрессивной оценки автора по отношению к содержащейся в тексте информации. Она предполагает поэтому расслоение семантико-прагматической структуры центрального субъекта текста на изображающий, т.е. сообщающий некую информацию о чем-то, и изображенный субъект, так как для читателя эгоцентрического текста объектом информации являются не только факты и явления, о которых сообщается в тексте, но и сам автор текста.

Наиболее явное осознание себя одновременно субъектом и объектом изображения со стороны автора высказывания присуще, например, таким эгоцентрическим текстам как автобиография, заявление о приеме на работу, объявление о знакомстве и, как подвид последнего, брачное объявление. Обслуживая разные формы социальной деятельности и коммуникативных контактов своих создателей, эти виды повседневных эгоцентрических текстов отличаются друг от друга характером лежащей в их основе интенциональности, а она, в свою очередь, обуславливает актуализацию в текстовой структуре определенных лингвостилистических средств.

Так, автобиография сосредоточивается на перечислении временных и локальных показателей (дата и место рождения, места проживания, образования, работы), а также параметров «микромира» автора (родители, семья и т.д.), связанных с его индивидуальным развитием. Прагматика эгоцентризма проявляется здесь лишь в самом отборе фактов автобиографии, способах их компоновки и подробности изложения.

В заявлении о приеме на работу на первый план в семантической системе текста выдвигаются персональные характеристики «я»-автора, связанные с функциями субъекта в предполагаемой сфере его профессиональной деятельности. В объявлении о знакомстве и брачном объявлении на семантику лингвостилистических средств персональной самооценки накладывает контактоустанавливающая функция. Два последних вида текстов выделяются на фоне других эгоцентрических

текстов также выражением в речевой ткани текста исключительно мелиоративных самооценок со стороны их авторов, а также включением в текст цитат-мнений других лиц об авторе сообщения.

Анализ объявлений о знакомстве как текстов эгоцентрического типа в сопоставительном этнокультурном аспекте показывает, что из-за навязываемого советской идеологией в течение долгих лет каждому члену общества духа отречения от интересов собственного «я» в пользу коллективизма, а также отсутствия традиций в социальной практике брачных объявлений, их русские авторы в период появления этого типа текстов в средствах массовой информации (примерно с начала и до конца 90-х годов прошедшего столетия) обнаруживали меньшую креативность и большую сдержанность в способах автохарактеризации, чем, например, немцы. Эта ситуация, однако, стремительно меняется, как и увеличивается пространство, предоставляемое периодическими массовыми изданиями выше названным видам текстов. Особенности социума проявляются и в тематической организации объявлений о знакомстве: их русскими авторами часто используются такие самооценки как: «без вредных привычек», «не пью, не курю», «не спонсор», «без жилищных проблем», «могу обеспечить семью» и др., в то время как в немецких брачных объявлениях чаще подчеркиваются «спортивность», «хобби», «разносторонность интересов», «любовь к путешествиям» и т.д. Интересными для лингвостилистического анализа являются также средства выражения в текстовой структуре возрастной и гендерной (ср. Кирилина 2004: 195-221) принадлежности авторов названных эгоцентрических текстов повседневной коммуникации.

Описывая антропоцентризм и эгоцентризм как конструктивные принципы текста, нельзя не отметить далее, что отличаются друг от друга и лингвостилистические пути их выражения в структуре высказывания и, соответственно, способы их лингвостилистической интерпретации. Антропоцентризм проявляется в тексте в совокупностях языковых элементов, обусловленных выше названными антропоцентрическими факторами, иерархическое взаимодействие которых создает вместе с этими факторами общие качественные характеристики текста, его *стилевые черты* (в традиционной терминологии), или – что, на наш взгляд, точнее – *стилевые текстовые доминанты*, несущие имплицитную *стилистическую информацию* в том числе и об авторе высказывания/текста, независимо от того, является он коллективным

или персональным лицом. Эгоцентризм же, имея в основе языкового употребления автономности говорящего лица, а также его текстовый референт – личное местоимение 1-го лица и ориентированные на него иные **эгоцентрические языковые единицы** (дейктические слова и местоимения; перформативные глаголы; модальные глаголы, слова и словосочетания; глаголы ментального и эмоционального состояния, средства эмоционально-экспрессивной оценки и др.), создает «авторизованную» текстовую конструкцию, смысловая информация которой осложнена за счет реализации индивидуально отмеченного отношения к теме/-ам высказывания речевого субъекта. Иными словами, в подобных текстах использование эгоцентрических средств заключается в их последовательной и систематичной актуализации (в свете взглядов на актуализацию и ее оппозиционный текстовый феномен – автоматизацию ученых Пражской школы), т.е. в уточнении и развитии текстового смысла этих языковых единиц за счет их радиального взаимодействия с предыдущими или последующими текстовыми элементами, а также взаимного семантико-стилистического подчинения друг другу.

Семантико-стилистическим центром, или «ядерной» языковой единицей, эгоцентрического текста, определяющей композиционные особенности текста, является при этом местоимение 1-го лица, верифицируемое (или не верифицируемое) определенным именем в речевой ткани текста. Местоимение 1-го лица обладает «семантической уникальностью», отмечаемой многими исследователями (См. Бенвенист 1974; Лотман 1972; Падучева 1985; Степанов 1981), и семантические явления, обнаруживающие эту уникальность, как отмечает, например, Е.В. Падучева, «многочисленны и разнообразны»: так, «во многих контекстах в предложении допустимо употребление только 1-го лица глагола, и замена на не 1-е лицо приводит к семантической или даже к синтаксической аномалии (если, наоборот, допустимо любое лицо, кроме 1-го, это также свидетельствует о противопоставленности 1-го лица 2-му и 3-му одновременно)» и, далее, «во многих контекстах, допускающих как 1-е, так и не 1-е лицо, употребление 1-го лица модифицирует значение каких-то других слов в предложении, т.е. 1-е лицо оказывает специфическое семантическое влияние на свой контекст» (Падучева 1985: 136).

Выше отмеченные семантико-прагматические особенности местоимения 1-го лица проявляются и при его функционировании в качестве ядерного элемента композиции эгоцентрического текста. Повторяясь в качестве эксплицитного грамматического субъекта или имплицитного речевого субъекта большинства предложений эгоцентрического текста, оно создает «поле семантико-стилистического текстового напряжения», благодаря которому в тексте, во-первых, используются лексико-грамматические формы и синтаксические конструкции, сочетающиеся с 1-м лицом, и, во-вторых, модифицируются значения отдельных слов и целых предложений, в частности, глаголов эмоционального и ментального состояния, модальных, перформативных глаголов, так называемых слов со «стереоскопической» семантикой, «у которых описание смысла включает либо упоминание говорящего, либо отсылку к лицу, с необходимостью отличного от говорящего» (Падучева 1985: 139-140). Приведем в качестве примера фрагмент из лекции И.А. Бодуэна де Куртене:

В сегодняшней общей характеристике нашей науки *я постараюсь прежде всего* определить ее границы, показав, 1) чего от нее нельзя ожидать и 2) что именно составляет ее сущность, – и потом *постараюсь* определить природу объекта этой науки, т.е. природу языка. Следовательно, *моя лекция* распадается на две части ... (Зиндер 1998: 95-96).

Как известно, любой научный текст претендует на объективность представления рассматриваемой в нем проблематики. Однако, вынося в «сильную» начальную позицию текста лекции дважды конструкцию *я постараюсь определить*, ученый не только называет свою прагматическую позицию в решении поставленной проблемы, но и настраивает слушателей на восприятие своего, «субъектно определенного» и субъективного, взгляда на современное ему состояние языкознания. Благодаря этому слушатели вовлекаются в познание объективных научных истин, но с точки зрения и в логике, предлагаемой лектором. Следует отметить, однако, что эгоцентрические речевые формы в научном тексте, как правило, играют роль его экспозитивных элементов с семантикой субъективной модальности, предваряющих констатацию определенного научного положения, а сам эгоцентризм в этом виде текста выступает не как «сосредоточенность на своем индивидуальном

я, которая обычно присутствует в его определениях, а как одно из проявлений «авторизации», т.е. выражения субъективной точки зрения.

Говоря о местоимении *я* как ядерной композиционно-смысловой единице эгоцентрического текста в повседневной коммуникации, отметим особо такой вид современных рекламных текстов – объявлений о какой-то профессиональной услуге, в которых это местоимение формально отсутствует, эгоцентрическая ориентированность текста, однако, при этом несомненна. Она создается с помощью иного коммуникативного кода: визуальной презентации автора в его фотографии. Графический же текст, демонстрируя фиктивное «отчуждение» от персональности высказывания, дает в то же время преувеличенное перечисление профессиональных и иных достоинств рекламодателя с его собственной точки зрения. Приведем в качестве примера следующий текст рекламного объявления: (слева вверху находится фотография)

СВЕТЛАЯ СИЛА ДОБРА
ЛАРИСА
СТАРЕЙШАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЯСНОВИДЯЩАЯ
И МЕДИУМ
Точное определение с указанием
причин невезения и одиночества
ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО – СВЯЗЬ С ПОТУСТОРОННИМ
МИРОМ ДУХОВ И АНГЕЛАМИ-ХРАНИТЕЛЯМИ –
ДОСТОВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Приведенный текст можно определить как текст с имплицитно выраженным эгоцентризмом, поскольку отсутствие в речевой структуре рекламного текста эгоцентрических языковых средств является следствием манипулятивных речевых операций для усиления эвидентности (очевидности) и персуазивности (воздействия на адресата с целью побуждения его к определенным посткоммуникативным действиям) содержащихся в нем утверждений. Без изменения объема и характера информации текста его можно перефразировать в сугубо эгоцентрическую структуру: «*Я, Лариса, – светлая сила добра, старейшая петербургская ясновидящая и медиум,*

гарантирую/обеспечиваю точное определение с указанием причин невезения и одиночества ... и т.д.».

К эгоцентрическим текстам повседневной коммуникации могут быть отнесены и те виды траурных объявлений, в которых констатация факта смерти какого-то лица происходит с точки зрения другого/-их (названных в текстовой структуре) лиц и является таким образом публичным признанием в определенных фамильных или персональных отношениях и глубоко личных чувствах. Несмотря на клишированность формы эгоцентрических траурных объявлений мы всегда воспринимаем их как проявление единичной субъективности особого рода, задаваемой самим типом текста.

Особую роль как фактор текстообразования эгоцентризм играет в литературной коммуникации. Здесь он может рассматриваться в двух своих ипостасях: (1) как – наряду с интроспекцией – универсальный принцип порождения и восприятия любого художественного текста, создающий особый вид «текстового напряжения» (Адмони 1944), неизвестный другим видам коммуникации, и (2) как формально-содержательный критерий отдельного класса литературных текстов, композиционно-смысловым центром которых является некое сосредоточенное на своей индивидуальности «я».

(1) Художественное мышление по своей сути интроспективно и эгоцентрично, и каждый литературный текст, независимо от его жанрово-видовой принадлежности, совмещает в себе характеристики продукта и процесса эстетической познавательной деятельности средствами языка, заключающейся в том, что художник творчески «пропускает» через свое сознание явления внешнего и внутреннего мира, находя в них общее и воплощая их в создаваемые им индивидуальные художественные образы (ср. Виноградов 1980: 57-97). Создавая эти образы, в первую очередь образы персонажей, автор вкладывает в них и частицу самого себя, в результате он не только изменяет действительность (и представления о ней читателя), но и «пересоздает» себя, сознательно или бессознательно открывая в себе через текст определенные эгоцентрические смыслы.

(2) Внутри «собственно» эгоцентрических литературных текстов можно выделить, далее, два следующих вида: а) автор использует форму литературного текста для изображения собственного жизненного пути, событий либо явлений, участником или свидетелем которых был он сам

(жанры литературной автобиографии, эссе, мемуаров, письма и т.д.); б) в центре художественного повествования стоит вымышленное, не идентичное автору, «я» повествователя-рассказчика или персонажа, обуславливающее пространственно-временные и ментально-психологические параметры изображаемого мира, а также повествовательно-речевую структуру текста.

Среди эгоцентрических литературных текстов первого вида особое место занимают так называемые «мнемонические тексты» (дневники, письма, автобиография, мемуары, автобиографический роман, путевые заметки и т.д.), ментально-психологической основой которых является воспоминание – акт сознания, выбирающий из потенциальной памяти субъекта самые разнообразные, часто фрагментарные и гетерогенные, непоследовательные и несвязные, на первый взгляд, факты, которые, однако, подчинены в композиционно-повествовательной структуре мемуарного произведения эгоцентрической субъективности автора воспоминаний. Обладая высшей степенью субъективности, «мнемонический эгоцентризм» двойственен по своей природе: с одной стороны, он представляет собой производное от (базирующейся на различных видах памяти) деятельности субъекта повествования, воспроизводящего в формах этой деятельности содержание объекта, а с другой, он является отражением внутреннего психического состояния субъекта во всех формах его социального и личного проявления (см. Ньюбина 2000: 7-33). Тем самым мнемонический субъект является для читателя одновременно и субъектом и объектом литературного изображения. Местоимение 1-го лица служит лингво-семантической основой для развития в сознании читателя образа автора, референциально соотношенного с именем, которое заявлено на обложке книги. Этот образ рождается на взаимопересечении фактуальности, задаваемой конкретной биографией самораскрывающегося «я», и фикциональности, вырастающей в тексте из произвольного, подчиненного субъективности и особенностям памяти объединения конкретных фактов, сочетания сознательного и бессознательного, внешнего и внутреннего, общего и частного. По остроумному замечанию Ф. Лежена, в этих текстах «... не личность определяет «я», а «я» определяет личность (точнее, образ личности – Е.Г.); иными словами, личность существует только в речи» (Lejeune 1994: 21). Учитывая тот факт, что местоимение 1-го лица в этом виде эгоцентрических литературных

текстов выступает одновременно в функции обозначения автора, повествователя-рассказчика и героя, мы предлагаем называть их авторизованными эгоцентрическими текстами.

Иное семантическое и функциональное наполнение местоимение 1-го лица приобретает в тех случаях, когда оно используется автором для обозначения более или менее удаленного от его собственного «эго» вымышленного повествователя-рассказчика, принадлежащего либо не принадлежащего одновременно и к миру персонажей. Подобное поэтическое переосмысление местоимения «я» и связанных с ним контекстов помогает автору совместить в нарративе когнитивно-прагматические позиции «повествующего» о мире и «переживающего» его вымышленного лица, которое соотносится с изображаемым не через внешние, объективно детерминированные связи, а через субъективные рефлексии. Несомненно, и повествователь и герой несут в себе и в этом случае художественный эгоцентризм своего автора, но выражается это в завуалированных и подтекстовых формах. Например, повествующее «я» в дискурсе такой субъективно наиболее акцентированной формы этого вида литературного эгоцентрического текста как сказ актуализирует максимальную удаленность друг от друга языковых личностей автора и устного рассказчика, одновременно протагониста. Автор как бы «вживается» в чужую эгоцентрическую позицию и предоставляет рассказчику максимальную свободу в его речевых и сюжетных действиях и в то же время помогает читателю через специальные сигналы в композиции и архитектонике текста ощутить художественно-эпическую природу «я»-рассказчика. Иными словами, следуя в своем произведении эгоцентризму вымышленного субъекта сознания и речи, автор стремится достигнуть максимальной эпической объективности, достоверности и психологической точности художественного изображения.

Подводя итоги, отметим перспективность научного филологического описания разных видов эгоцентрических текстов, и в первую очередь их литературных разновидностей, не только в функционально-стилистическом, но и в культурно-историческом аспекте. Современный человек переживает на себе все сложности ускорения и интенсификации социально-политических, научно-технических и информационных процессов, что вносит определенные изменения в ментально-психическую структуру его личности и его отношения с самим собой и

внешним миром. Следствием этого становится все более разветвленная сеть текстов, которыми он пользуется в своей речевой практике и которые в самых разнообразных формах отражают, по С.С. Аверинцеву, процессы «индивидуации из нерасчлененного коллективного бытия» (1972: 145-147). Значительное место среди подобных текстов принадлежит эгоцентрическим текстам, а также текстам со значительной композиционно-стилистической ролью языковых средств с эгоцентрической семантикой.

Литература

- Аверинцев С.С., 1972, *«Аналитическая психология» К.Г.Юнга и закономерности творческой фантазии. – О современной эстетике: Сб. статей / Сост. В.И. Тасалов*, Москва.
- Адмони В.Г., 1985, *Грамматика и текст*, “Вопросы языкознания” 1.
- Адмони В.Г., 1994, *Система форм речевого высказывания*, С.-Петербург.
- Бенвенист Э., 1965, *Общая лингвистика*, Москва.
- Виноградов В.В., 1980, *О языке художественной прозы: Избр. труды*, Москва.
- Гончарова Е.А., 1999, *Стиль как антропоцентрическая категория*, “Studia linguistica” 8, С.-Петербург.
- Кирилина А.В., 2004, *Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации*, Москва.
- Кожина М., 2003, *Стилистика. – Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва.
- Колшанский Г.В., *Контекстная семантика*, Москва.
- Лотман Ю.М., 1972, *Анализ поэтического текста*, Ленинград.
- Нюбнна Л.М., 2000, *Воспоминание и текст*, Смоленск.
- Падучева Е.В., 1985, *Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*, Москва.
- Степанов Ю.С., 1981, *Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика*, Москва.
- Хомякова Е.Г., 2002, *Эгоцентризм речемыслительной деятельности*, Москва.
- Шмелев Д.Н., 1989, *Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств. – Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект*, Москва.
- Adamzik K., 2004, *Textlinguistik*, Tübingen.
- Fleischer W., Michel G., Starke G., 1993, *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*, Frankfurt/Main.

Linguostylistic Aspect of the Interpretation of Egocentric Text

The article presents a comparative scientific description of anthropocentrism and egocentrism which are regarded as factors in text formation, their logical relation being that of “general” and “particular”. The concept of “egocentric text” is introduced and those linguostylistic units whose hierarchical interaction determines the structural, semantic and pragmatic features of the egocentric text in different spheres of communication are analysed in the article.

Keywords: *anthropocentrism, egocentrism, egocentric text, linguostylistic interpretation.*

[zef@herzen.spb.ru]